

НИНА ОБРЕЗКОВА

СТЕПАН

РАССКАЗ

Степан вошёл в село ранним утром. Село ещё спало, только над несколькими печными трубами лениво поднимался дым. Забrehали было собаки, но, видимо, и им было ещё лень лаять в такую рань. Так, никем не замеченный, и пришёл Степан домой, откуда ушёл двадцать лет назад таким же ранним утром...

...Собака пришла домой к полудню. Матрёна как раз выходила с огорода. Буско бросился к ней.

— Буса, ну, где вы целый день шляетесь? А хозяин-то где?! Буско! — сердито выговаривала собаке Матрёна и только потом заметила, что с мордой Буско чего-то неладно. Воткнула в землю вилы, наклонилась к собаке. — Господи! Буско! Что это? Кто тебя так? О, Господи, весь нос разбили, в шкуру свою люди от злости уже не влезают! Ну, иди, Буса, иди, на крыльчке присядем да толком осмотрю твою мордочку, — пробормотала Матрёна, взяла вилы и пошла к крыльцу.

Но Бус за хозяйкой не пошёл, лёг возле забора, побитый нос положил на лапы и еле слышно заскулил. Матрёне пришлось вернуться к собаке.

— Ну, что, что? Больно? Больно, конечно, — погладила Матрёна пса. Тот даже не пошевелился. — Иди, поешь, поешь, беденький, да потом уж ложись. — Но Буско ни к еде не притронулся, ни к крыльцу, возле которо-

ОБРЕЗКОВА *Нина Александровна* родилась в 1965 году в с. Глотово Удорского района. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи переводились на эстонский, болгарский, удмуртский, мордовский, венгерский, финский языки. Лауреат премии Правительства Республики Коми в области культуры за 2009 год. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

го любил лежать, не пошёл. Матрёне до слёз было жаль пса, но что делать, она не знала. Побродила по двору, потом опять наклонилась к Буско. — Ох, бедненький ты мой. И Степана нет, хоть бы уж к ветеринару отвёл пса. Мучается, бедный.

Но Степан не пришёл ни в тот вечер, ни наутро. Буско так и лежал возле забора, не ел и не пил. Сердце Матрёны сжалось, но до вечера решила обождать. Не хотелось попусту будоражить село. Степан, бывало, во время своих “загулов” ночь-другую ночевал у друзей, но тогда пёс постоянно был с ним, и сразу видно, где сегодня Степан. “А ведь Буско всегда со Степаном был”, — пронеслось в голове Матрёны. Она накинула пальто и, оставив дверь открытой, побежала к Митрей Васю*. Вместе росли они, и Степан нет-нет да и заглядывал к Василёю.

Василей, уже порядком хмельной, сидел возле стола и смотрел на стоящую на столе пустую бутылку. Посмотрел на вошедшую Матрёну пустыми глазами и снова устался на бутылку.

— Василей, — от ходкого шага Матрёна запыхалась, — Василей, ты Степана не видел?

— Чего?

— Степана, говорю, не видел?

— Степана? — вздохнул Василей и добавил. — Нет.

— А вчера, вчера? — Матрёна села рядом с ним и, толкая в бок, расспрашивала. — Вчера, говорю, не видел?

— Тётка Матрёна, у тебя сто грамм есть? — в глазах Василея зажглась слабая надежда. — Ты меня не толкай, я упаду.

— Василей, — уже ошутимо толкнув мужика в бок, снова спросила Матрёна. — Ты Степана вчера не видел?

— Вчера? — Василей отодвинулся от Матрёны. — Вчера... видел.

— Где? Когда? Василей?

— М-хм, — снова вздохнул тот. — Вчера... вчера... он с Буско... Случилось что-то? — и как будто вдруг очнулся. — Ты чего тут кричишь?

— Василей, Бус вчера один пришёл, с побитой мордой, а Степана всё нет.

— Нету? — удивился Василей. — Придёт... придёт, — пробормотал Василей, а затем вскинулся: — Нету? Как нету? Вчера он... — Василей протёр глаза. — Вчера он утром... рано ещё было... по берегу с Буско куда-то... вниз по реке пошли... Я ещё спросил... куда, мол, отправился? А он... Степан... мне ничего не ответил... только рукой махнул... туда, мол. А что, не пришёл?

— Я и говорю, Буско вчера один с побитой мордой пришёл, а Степана до сих пор нет.

— А кто Буско обидел? — Вась потёр лоб и затем вдруг повернулся к Матрёне. — Знаешь, тётка Матрёна, знаешь, Степан-то с пустым вещмешком был... мешок-то пустой был, с таким мешком в лес не ходят... только топориче виднелось. Я ещё подумал, куда Степан пошёл...

Матрёна вскочила из-за стола.

— Очнись, Василей, неладное что-то с другом твоим. Надо что-то делать. Искать, людей поднимать. Вниз по реке, говоришь... — Матрёна поднялась, запахнула пальто и уже на пороге сказала: — Я к управляющему схожу, а ты давай друзей обойди, может, кто ещё чего видел ли, слышал...

...Долго искать не пришлось. Недалеко от села дорога раздваивается: одна ведёт на дальние луга, другая — в лес, где сельчане, в основном бабы да ребятишки, собирают грибы-ягоды. Вот как раз на этом месте, на сосне, растущей аккурат посередине развилки, и нашли воткнутый в дерево топор Степана и висящий на нём рюкзак... А дальше ни следов, ни каких-нибудь других знаков, оставленных Степаном, не было.

Искали всем селом, искали и в лесу, и в воде, разве что лес не порубили на корню и воду не высушили. Ничего... Потом пришли к мысли, что последним прибежищем Степана стало озеро, которое слыло бездонным...

* Митрей Вась — у коми имя отца ставилось перед именем сына.

Вряд ли найдутся слова, которыми можно было бы передать горе матери Степана. Матрёна своего последыша родила уже под пятьдесят, чтобы под старость было хоть с кем словом перемолвиться. Мужа Матрёна в первый год большой войны потеряла, две дочери уже давно своей жизнью жили, и никто не стал осуждать Матрену, когда она сошлась с другим мужиком. Да вот только снова судьба не одарила Матрёну бабьим счастьем: не сжились с мужем, только сын и остался на радость матери, да и он незнамо куда голову унёс... Пятерых детей похоронила Матрёна, да ведь их Бог совсем крохотными забрал, ангелочками, да и могилки их рядышком на сельском кладбище. А вот что стало могилой Степана? Земля или вода забрала его? Некуда Матрёне прийти оплакать сына, негде облегчить рвущееся сердце... Крепкой была Матрёна, статной даже и в старости, длинной её косе многие бабы завидовали. Но нечему стало завидовать — обрезала Матрёна косу, да и волосы, некогда чёрные, как смоль, поседели в одночасье. Обвязала седую голову свою Матрёна чёрным платочком и снимала его только в бане да ещё пот устатный вытереть с лица... Никто не слышал от неё ни мольбы, ни жалоб. Только вот унёс сын песню её, голос её — не пела она больше с подружками своими да всё чаще вдруг обрывала разговор, замолкала, будто пыталась понять непонимаемое...

Степан был высокий, крепкий, хоть с лесу, хоть с реки никогда пустым не возвращался, да и руками Бог не обидел — любую работу шутя делал. В соседнем селе поднял сестре баню — игрушка, да и только. Один и поставил, только печку сложить друга позвал. Матрёна ездила в новой баньке помыться, такая, говорит, хорошая баня, хоть не выходи... И слова сына не приняла всерьёз. А Степан — в чистой рубашке после бани, волосы зачёсаны назад — за столом сказал:

— Ну, вот, последняя баня поставлена.

— Давай, Степан, не говори ерунды, — сказала сестра, а мать только рукой махнула: иди, мол...

...В тот год Степан с дальней делянки, где они вчетвером валили лес — все друзья детства — вернулся перед Новым годом один. Сельчане, конечно, в расспросы: а где ж друзья-то, мол? А не захотели, говорил Степан, что нам, мол, в селе делать, за подругу и бутылка сойдёт. А я, говорил, в баньке решил помыться, да что...

Люди хорошо попраздновали, где-то к Рождеству стали приходиться в себя, тогда как гром среди ясного неба, грянула весть — в лесной избушке сгорели мужики, те самые, которые остались на Новый год. Только уголья да пепел нашёл охотник, промышлявший в тех местах.

Привезли останки, рядышком и похоронили. Степан больше других возился-помогал. А затем... Затем Степана обвинили в убийстве... До суда дело, правда, не дошло, милиция приезжала, допрашивала, но ничего не могли противопоставить словам Степана. Свидетелей в этом страшном деле не нашлось. Не посадили Степана в тюрьму, оставили жить в селе... Только лучше бы посадили, иногда думалось Степану; матери сгоревших, особенно тётка Дарья, мать лучшего друга, Михаила, набросилась на него, обвиняя в убийстве своего сына. Да не столько на него, сколько на мать его, Матрёну. Матрёна, конечно, не верила, что её Степанушко, её сыночек, мог сотворить такое, и изо всех сил отбивалась от Дарьи...

После похорон, дня через два-три, Дарья, хмельная, распахнула дверь в избу Матрёны:

— Ну, Матрёна, где твой убивец?

— Дарья, Господи помилуй, какой же мой Степанушко убивец, что ты несёшь-то? Сама ведь знаешь, милиция была, всё выспрашивала, коль виновен был бы, так посадили бы.

А Дарья с порога кричит:

— Надо было посадить!

— Дарья, как же ты можешь так говорить? Знаешь ведь, Степан с Мишуком лучшие друзья были...

— Не смей имя моего сына произносить! — налились кровью глаза Дарьи. — Не смей!

Сердце Матрёны рвётся, но она ещё пытается образумить Дарью. — Зайди, Дарья, зайди, помянем Мишеньку.

— Что? Чтоб я с убивцами за один стол села! Пропадите вы пропадом! Чтоб собака вас съела! Тьфу! — плюнула Дарья и хлопнула дверью.

Встали друг против друга две большие силы, две матери, одна — за своего сына, и другая — за своего. Вот только у одной сын в сырой земле лежит, а у другой по земле ещё ходит. И разрушилась некогда верная дружба, не то, что в гости захаживать, — смотреть друг на друга не могли.

А Степан вроде так же жил, работал... Хотя знал, знал, что многие виноватили его, хоть в глаза и не осмеливались говорить. А сам знал, знал: не был он виноват. Но как это докажешь? Как убедишь людей, что оставил друзей в добром здравии? Как?

...Мужики после дневной вырубki пришли, как мёрзлые столбы. Степан в тот день раньше пришёл — “домовым” был: обед готовил да по хозяйству хлопотал. Договорённость у них такая была: по очереди “домовничать”. Сегодня как раз был день Степана. Хоть и не особо любил он такую работу, но ничего не поделаешь: в лес хозяйку с собой не возьмёшь. Печка гудела от жара, суп и чай кипели на плите. А вот и мужики.

Первым в избу голову просунул Миша и с ехидцей спросил:

— Степан, где мои двенадцать блюд?

— Да заходите быстрее, выморозите избу.

После Миши зашли и Андрей с Иваном.

— Ну, и натопил, — сбрасывая фуфайку, пробормотал Миша. — Дрова бы пожалел.

— На дрова леса ещё хватает.

— Кто спорит, да вот только в такой холод попробуй ещё и дрова заготавливать.

— Холодно, мать твою, — выругался Андрей. — Да и смотрю — ещё похолодает.

— Ну, ничего, наш Степан печку раскочегарит — не замёрзнем небось. Ночью бы не гореть, — Мише непременно надо было поддеть друга.

— Не болтай, чего не попада. Садитесь, всё готово.

— Ну, давай... поесть надо. Да и глотнуть не мешало бы. С устатку водочка хороша! — почмокал губами Миша и сел за стол. — Андрей, где твоя заначка? Доставай. Эх!

Степан разлил суп в железные тарелки, нарезал хлеб. Андрей слазил под лавку, достал бутылку, подвинул стоящие в центре стола кружки поближе к краю и щедро налил в них водку. Затем и сам сел за стол. Сел и Иван. Миша дотянулся до своей кружки, разобрали свои и Андрей с Иваном. Миша дотронулся до их кружек:

— Ну, как говорят, чтоб жила земля коми и её пьющие жители. О, Степан, а ты чего?

— Я не буду...

— О-о, это что-то новое...

— Не хочу.

— Степан, ты чего? — удивился и Андрей. — Компанию не разбивай.

— Нет.

— Ну, сам знаешь, уговаривать не будем. Как говорят, нам больше достанется, — сказал Миша и выпил. — Эх! Добро! Вот сейчас можно и перекусить. Мужики тоже выпили. — Ты, Степан, может, и от еды откажешься сегодня?

— От еды нет, — улыбнулся Степан и тоже начал орудовать ложкой. Какое-то время в избе слышался только лязг железной посуды. Затем Степан сказал:

— Мужики, а давайте домой съездим... Завтра ведь Новый год.

— А что мы там потеряли?

— Ну... Новый год ведь.

— Степан, — опять наполняя кружки, поддел друга Миша, — может, ты в клуб хочешь сходить, возле ёлки хоровод поводить? “Ма-аленькой ёлочке холодно зим-о-ой...” А, Степан?

— Иди, не трепись... домой вроде как тянет.

— А меня вообще никуда не тянет, — сказал Миша. — Мне и здесь хорошо. Ёлок здесь хоть лопатой гребь, а вместо снегурочки и бутылка сойдёт, — сказал он и смачно выпил. Андрей с Иваном не отставали.

Но Степан не унимался.

— Миша, поедem домой, на “Буране” двое и в санях двое... Сам же говоришь, похолодает. Да и в баньку сходим...

— Мороз, брат Степан, нам не страшен, — Миша уже заметно захмелел. — Дров, как ты говоришь, в лесу полно. Не замёрзнем. Да и это, — щёлкнул Миша себя по горлу, — не даст замёрзнуть. А ты, друг дорогой, можешь ехать... Так ведь, Андрей?

— Мне-то что, у него своя голова...

— Иван, а как ты думаешь?

— Пусть... — Ивана и так сильно разговорчивым не назовёшь, а сейчас и вовсе не слышно его. Но всё же добавил: — Я бы в баню тоже сходил...

— Ну, давайте, давайте, все идите, идите-идите, оставьте меня здесь одного, — завёлся Миша.

— Ну, не поеду тогда, — пробормотал Иван.

— Так что, Степан Васильевич, одному придётся ехать. Ну, иди, как говорится, на посошок.

Но Степан и тут отказался. Встал из-за стола, торопливо собрал котомки, взял ружьё и топор, оглядел сидящих за столом и вышел. Друзья услышали, как взревел “Буран”, и Степан уехал...

...После Нового года сразу уехать в лес у Степана не получилось. Мать чего-то занемогла и попросила пожить дома, всё по хозяйству помощь: дрова, вода... Успеешь, говорит, по сугробам поползать, вон зима какая длинная ещё...

...Чёрной вести Степан никак не мог поверить. Кинулся к тому охотнику, может... Хотя, что “может” — он и сам толком не знал. Что-то выпытывал у старого человека: может, не та избушка, может, напутал тот чего. Охотник только головой качал, как, говорит, я могу перепутать, всю жизнь там охочусь... Не очень давно, говорит, сынок, и сгорели они, на запах дыма я и вышел туда.

Ещё до рассвета Степан поехал на “Буране” в лес, туда, где недавно сидели они за столом... Миша, Андрей и Иван... А теперь вместо них лежали их обугленные тела, и не узнать, кого из них как звали... А в стороне... в стороне стоял их конь, Буян, на котором они вывозили лес... Степан кинулся к Буяну и остолбенел — у Буяна были выколоты глаза...

После этого и начал Степан крепко выпивать. Месяц-другой держится, а запьёт — так до черноты пил.

Как-то Матрёна, возвращаясь домой, услышала звук бензопилы. Матрёна бросилась в дом:

— Степан, Степан, что же ты делаешь?

А Степан только знай пилит стену дома. Матрёна схватилось было за пилу, да куда там! Сын отодвинул её и снова пилит. Опустилась Матрёна на лавку и молча смотрела, как из вековой стены один за другим падают поленья, и чисто вымытый пол покрывается свежими опилками... почему-то на помнившихся Матрене похороны её деток...

Венцов семь-восемь пропилил Степан. Затем заглушил пилу и тяжело опустился на покрытый жёлтыми опилками пол. По лицу его стекал чёрный пот...

Матрёна помолчала, затем осипшим голосом спросила:

— Чего ж ты, Степан, заживо дом-то рушишь?

Степан даже не пошевелился и абсолютно трезвым голосом ответил:

— Не хочу, мама, через двери, которые для хороших людей, ходить, убийце можно и через сарай...

— О Господи, Степан! — только и всплеснула руками Матрёна. — За-молчи! Из-за слов своих попадёшь, куда не надо! Что ж ты чужой грех на себя берёшь? Ты совсем с ума сошёл! Сам же говорил, что не виноват, что живые они остались... Или... обманул... Степан?

— Мама... — от взгляда Степана Матрёна поперхнулась. Нет, нет, не виноват её сын, пусть люди говорят, что хотят.

...Сколько мог, терпел Степан людские обмолвки за глаза, сколько мог, не слушал людских упреков, да только долго ли, долго ли вытерпишь, когда всё село, всё село ополчилось против него... И вот собрался он в одно раннее утро и ушёл с пустым вещмешком. Бегущего за ним пса ударил обухом топора, чтоб отстал, повесил на топор, воткнутый в сосну, свой рюкзак... и исчез с глаз людей.

Лет через пять прошёл в селе слух: один мужик перед смертью признался, что он поджёт ту избушку. Зашёл, мол, погреться, выпили, как водится...

— А потом Андрей вспомнил, как настиг меня на своём путике. Хотя чего уж там вспоминать... прошлое-то. Было раз, было, бес попутал... Я уж повинился перед Андреем... Но он не унимался, угрожал, что всем расскажет, какой я охотник, что я вор, что... Под конец всё же угомонился, хмель придавил... Уснули и мужики, выпили они изрядно... А я допил бутылку, посидел, и как будто кто-то стал шептать: вот он, вот твой час... И кончатся твои мученья, никто не будет попрекать, обвинять... И никто не узнает, что здесь случилось... Тайга скроет... И я вытащил из печи горящее полено... и дёрнул... Потом вернулся, но было уже поздно — сухой дом как порох всыхнул... Вот тут-то я и испугался... В тюрьму не хотелось, потому и не признался никому... Простите...

Тётка Дарья тоже приходила прощенья у Матрёны просить, да та только рукой махнула...

...За Матрёной в последнее время ухаживала дочь. Сын, которого она растила людям и себе на радость, не смог скрасить последние дни матери... Временами приходила весть, что-де жив Степан: то там вроде видели, то там... Матрёна попервости оживала от таких вестей, а потом... потом перестала... Только гаснущее сознание порой вытаскивало образ сына, и тогда Матрёна шептала одними губами: “Степа-а-ан”...

...А Степан осень прожил в материнном доме. Почти никуда не выходил, к нему тоже особо не заглядывали — большинство его товарищей уже в сырой земле покоились: кто по своей воле, кто из-за водки закончил своё земное существование. Где был Степан двадцать лет, никому не рассказывал, да и не спрашивал его никто — тогдашних селян не стало, а молодым до Степана дела мало...

С приходом зимы Степан собрал нехитрое охотничье снаряжение и ушёл в тот дальний лес, где когда-то валил деревья с товарищами, чтоб заготовить брёвна... на новую избу для себя.

Авторский перевод с коми